

С. Н. ДУРЫЛИН
„ДЕЛО“ ОБ ИМУЩЕСТВЕ ГОГОЛЯ

1

В восемь часов утра, в четверг 21 (ст. ст.) февраля 1852 г., Николай Васильевич Гоголь скончался в Москве, на Никитском бульваре, в доме Талызиной, в помещении, занимаемом графом А. П. Толстым, у которого провел последние месяцы своей жизни (октябрь 1851 — февраль 1852). В тот же день из дома Талызиной о смерти Гоголя пошло „объявление“ в полицейскую часть:

„Ведомства Московской управы благочиния в Арбатскую часть.

Управляющего генерал-майора графа Александра Петровича Толстого дворового его человека Александра Иванова Рудакова.

Объявление

Живший в занимаемом господином моим доме Г-на Талызина состоящем сей части 3 квартала, отставной коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь сего числа от одержимой его болезни скончался, после его здесь в Москве наличных денег, сохранной казны билетов, долговых документов, золотых, серебряных, бриллиантовых и прочих драгоценных вещей кроме незначительного носильного платья ничего не осталось, а есть общее его с родною матерью недвижимое имение Полтавской губернии Миргородского уезда в селе Васильевке душ около 450-ти но удостоверительно сколько сказать не могу, состоит ли покойный кому-либо должным я не знаю, наследниками после его родная мать коллежская ассесорша Марья Иванова, сестры Анна, Елизавета и Ольга Васильевны Гоголь живущие в означенном селе Васильевском более ж их у него наследников нет, при нем находился в услужении дворовой человек матери его Семен Григорьев, объявляя сие Арбатской части покорнейше прошу для погребения тела покойного на кладбище Данилова монастыря снабдить похоронным билетом. Февраля 21 дня 1852 года.

Управляющий Графа Толстого Александр Иванов

Рудаков

Подпись руки удостоверяю квартальный надзиратель Протопопов“.

Сведения, сообщенные полиции дворецким графа Толстого, об имени, наследниках и слуге Гоголя, совершенно точны. Сведения о личном имуществе умершего Гоголя поражают своей лаконичной скудостью: после Гоголя не осталось ничего, кроме „незначительного носильного платья“.¹

В ответ на „объявление“ дворецкого из полиции, для осмотра имущества Гоголя, были посланы квартальный надзиратель Протопопов и „добросовестный свидетель“ Страхов.

В своем протоколе осмотра вещей Гоголя они, повторив текст „объявления“ дворецкого Рудакова, писали:

„По осмотру нашему в занимаемой умершим квартире действительно кроме незначительного носильного платья и разных книг ничего не оказалось, почему мы книги и носильное платье сложили в красного дерева принадлежащие графу Толстому одну шифоньерку и один шкаф и запечатали казенною частною и добросовестного свидетеля печатьми, а одну шубу старую ентовую крытую сукном и суконную шинель по неудобности помещения в шкаф отдали в < /

слово неразобрано> под сохранение с распискою под сим постановлением управляющему графа Толстого означенному Рудакову, в чем на месте и учинили сие постановление, на спрос же наш находящийся при нем дворовый человек Семен Григорьев и управляющий Рудаков объявили, что у него здесь в Москве ни у кого денег и имения нет.

Квартальный надзиратель Протопопов

При сем был добросовестный свидетель Страхов, а по безграмотству приложил печать.

При сем находился и опечатанное имущество и неопечатанную шубу и шинель под сохранение принял управляющий графа Толстого Александр Иванов Рудаков.

При сем находился Семен Григорьев“.

Протокол обнаружил еще один вид имущества Гоголя, опущенный дворецким: книги — и, волей-неволей, отметил любопытное обстоятельство: слуга Гоголя, подросток Семен Григорьев, как видно из его подписи, был грамотный, а полицейский „добросовестный свидетель“, призванный свидетельствовать имущество *писателя*, оказался неграмотным. Квартальный надзиратель в рапорте приставу Арбатской части переписал текст протокола, с существенным добавлением:

„Указа об отставке между имеющихся у него бумаг не найдено и по случаю временного его пребывания здесь в Москве письменный вид его в вверенном мне квартале явлен не был, а также и духовного завещания не осталось“.

Рапорт впервые заговорил о „бумагах“ Гоголя, не упоминаясь в „объяснении“ и протоколе, и об отсутствии „завещания“.

„Указ об отставке“, которого квартальный не нашел в бумагах Гоголя, для всех дворян, вплоть до революции 1917 г., имел силу паспорта. Гоголь — вечный скиталец по России и Европе — оказался, к смущению квартального, беспаспортным! В доме у гр. Толстого Гоголь жил непрописанным. „Временное пребывание“, которым квартальный хочет смягчить эту вину, длилось, на деле, целые полгода.

9 марта пристав Арбатской части рапортовал во 2-й департамент надворного суда (за № 994): „Квартальный надзиратель Протопопов донес, что живший вверенной мне части в доме г. Талызина литератор отставной коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь 43 лет от роду 21 февраля сего года волею божиею умер; после которого духовного завещания, наличного капитала, билетов сохранной казны, долговых документов и других драгоценных вещей, а равно и указа об отставке покойного по учиненному им с добросовестным свидетелем осмотру, не оказалось“.

Далее приводятся дословно все данные осмотра и рапорта квартального.

Любопытно, что пристав наградил Гоголя новым титулом: к ранее мелькавшему в бумагах „коллежскому ассесору“ он на самом документе вставил: „литератор“. Вероятно, молва о торжественных похоронах Гоголя достигла до полицейского участка.

Надворный суд получил бумагу пристава, вместе с протоколом и рапортом квартального, 12 марта. Через два дня в суде было вынесено постановление:

„1852 года 14 марта приказали: Дело внести в настольный реестр, в часть сообщить об *<смазано чернилами одно слово>* оценке имущества при посторонних свидетелях; а в Миргородский земский суд сообщить об объявлении наследникам об оставшемся имуществе с тем, чтобы они об утверждении их в правах наследства просили по состоянию недвижимого имения, и уведомили бы суд желают ли они продать движимое имущество, или переслать в

натуре в Миргородский земский суд для передачи им на хранение то, чтобы и прислали деньги на пересылку по почте. Дело сие почислить решенным. Апреля 17 дня“.

Итак, полицейский осмотр вещей Гоголя, принятый надворным судом, упоминает только о его бумагах, книгах и носильном платье.

Ранее полиции — не позднее, чем через полтора часа после кончины Гоголя, — побывал в комнатах умершего писателя доктор А. Т. Тарасенков. „Когда я пришел, — вспоминал он, — уже успели осмотреть его шкафы, где не нашли ни им писанных тетрадей, ни денег“.

Куда девались деньги Гоголя, рассказал тот же Тарасенков: после 12-го февраля, Гоголь „рассылал последние карманные деньги бедным и на свечи, так что по смерти у него не осталось ни копейки. У Шевырева осталось около 2000 р. от вырученных за сочинения денег“.¹ Действительно, 7 мая 1852 г. С. П. Шевырев писал в „Записке о печатании сочинений покойного Н. В. Гоголя и о сумме денег, им на то оставленной“: „После Н. В. Гоголя осталось в моих руках от его благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством — 2533 руб. 87 коп. Его карманных денег — остаток от вырученных за 2-е издание „Мертвых душ“ — 170 р. 10 к. Итого 2,703 р. 97 к.“.¹

В то же время — после 12 февраля — Гоголь, по характерному выражению Тарасенкова, „делал некоторые неважные завещания насчет своего крепостного человека“. Это были известные — и очень важные — предсмертные обращения Гоголя к „Друзьям моим“ („Благодарю вас много, друзья мои,“ и т. д.) и завещательное распоряжение семье. Последнее было писано со стараньем соблюсти форму обычного завещания: „Во имя отца и сына и святого духа. Отдаю всё имущество, какое есть, матери и сестрам. Советую им жить в любви совокупно в деревне“ и т. д. Непосредственно к крепостным слугам относятся следующие распоряжения Гоголя (в том же завещании), сделанные им ниже: „Служивших мне людей наградить. Якима отпустить на волю. Семена также, если он прослужит лет десять графу“ и т. д.).²

20 июня 1852 г. Шевырев писал матери Гоголя: „Если бы что-нибудь замедлило предположенную мною поездку, то завещания я вышлю по почте, но страховым письмом. Завещания эти не имеют формы акта, а могут иметь только семейную силу“.

О самой драгоценной части Гоголева имущества его мать писала О. С. Аксаковой 24 апреля 1855 г.: „Тяжело мне было читать продолжение „Мертвых душ“ из найденных вчерне *в его шкапу*“;³ эти пять глав из второго тома „Мертвых душ“, изданные в 1855 г. племянником Гоголя Н. П. Трушковским (Москва, Университетская типография), и были в тех „писанных тетрадах“, о которых помянул Тарасенков, как о найденных.

Таким образом, в комнате Гоголя, даже в том самом „шкапу“, который упомянут в полицейском протоколе, хранились те самые бумаги — „завещание“ и „писанные тетради“, — которых не оказалось на месте уже через какие-нибудь полтора часа после смерти Гоголя, ни при докторе Тарасенкове, ни при „добросовестном свидетеле“.

Очевидно, чья-то дружеская рука, заранее, тотчас после кончины Гоголя, изъяла их из его комнаты для того, чтобы вернее сохранить для его семьи и для потомства.

В Миргородский земский суд — тот самый, что описан в „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ — поехало „на долгих“ „объявление“ наследникам об оставшемся после Гоголя имуществе, а в Москве полицейские власти, по решению надворного суда, принялись хлопотать об оценке имущества Гоголя при „посторонних свидетелях“.

Таковыми „посторонними свидетелями“ явились: 1) хозяин гоголевской квартиры — граф Александр Петрович Толстой, 2) старый знакомый семьи Гоголей еще по Полтаве Иван Васильевич Капнист, занимавший в данное время (до 1855 г.) пост московского губернатора, и 3) Степан Петрович Шевырев. Этими лицами и был подписан следующий акт:

„1852 года апреля тринадцатого дня нижеподписавшиеся вследствие отношения Московского надворного суда 2-го департамента от 17-го сего апреля за № 2344-м прибыв Арбатской части 3 квартала в дом г. Талызина в комнаты, которые занимал умерший коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь у квартирующего в оном генерал-майора графа Александра Петровича Толстого, где при посторонних лицах осмотрев наложенные на шкафе и шифоньерке как казенную частную, так и добросовестного свидетеля печати, нашли в целости, по распечатании коих находящееся в оных имущество оставшееся после покойного г. Гоголь заключающееся в носильном платье и печатных книгах провели через опись в известность, но бумаг и документов, которые составляли бы в себе важность, кроме одной домашней переписки относящейся покойному г. Гоголь ничего не оказалось; каковое имущество и отдала под сохранение впредь до распоряжения судебным местом с распискою под описью тайному советнику и кавалеру Ивану Васильевичу Капнисту, отставному генерал-майору графу Александру Петровичу Толстому и статскому советнику и кавалеру Степану Петровичу Шевыреву, о чем учинено сие на месте постановление.

Квартальный надзиратель Протопопов.

При сем находился добросовестный свидетель а по безграмотству приложил именную печать.

Тайный советник И. Капнист.

Отставной генерал-майор граф Толстой.

Статский советник С. Шевырев.

Описывал квартальный надзиратель Протопопов. При сем был добросовестный свидетель Страхов, а по безграмотству своему приложил именную печать свою.

При сем находились, и все вышепрописанные вещи под свое сохранение впредь до распоряжения судебным местом приняли

Тайный советник И. Капнист.

Отставной генерал-майор граф Толстой.

Статский советник С. Шевырев.

Опись¹ открывается большою неожиданностью сравнительно с тем „протоколом“, который был составлен в день смерти Гоголя. Первым номером в ней идут золотые карманные часы. Это — единственно ценная вещь в скудном вещевом достоянии, оставшемся после Гоголя. Историю этих золотых часов рассказывает П. А. Кулиш:

„Однажды во Франкфурте в кабинет к Жуковскому зашел Гоголь; там, кроме Жуковского, находился также гр. А. Толстой. Разговаривая, Гоголь обратил внимание на карманные золотые часы с цепочкой, висевшие на стене. — Чьи это часы? спросил он. — Мои, ответил Жуковский. — Ах, часы Жуковского! в таком случае я никогда с ними не расстанусь, — и с этими словами Гоголь надел цепочку на шею, положил часы в карман, и Жуковский должен был отказаться от своей собственности“. Часы же достались Жуковскому как память об умершем Пушкине: они были остановлены на 2 часах и $\frac{3}{4}$ пополудни — времени кончины Пушкина.²

Как пушкинскую реликвию, Гоголь берег эти часы и заповедал своей младшей сестре, О. В. Гоголь: „Спрячь, это память Пушкина. На таком часе и минуте остановились, когда его не

ОПИСЬ

Арбатской части 3-го квартала учиненная имуществу оставшемуся после умершего коллежского ассесора Николая Васильевича Гоголя.

Апреля дня 1852 года.

№	ЧТО ИМЕННО	Серебром		Оценка № 1820
		рубли	коп.	
1	Золотые карманные часы на десяти камнях, о двух золотых досках под № мастера 8291	10	—	Означенного в сей описи имени в описанном их виде 6 мая 1852 года оценили сорок три рубли восемьдесят восемь копеек серебром. Присяжные оценщики при управе благочиния Иван Соколов, Трофим Кабанов.
2	Шуба энотовая крытая черным сукном старая довольно ношенная	15	—	
3	Шинель черного сукна с бархатным воротником на люстрине теплая	5	—	
4	Два старых суконных сюртука черного сукна один из них фасоном пальта	2	—	
5	Суконный синего цвета фрак с бархатным воротником на шелковой подкладке с бронзовыми	1	—	

	пуговицами			
6	Летнее шелковое пальто фуляровое бланжевого цвета	—	50	
7	Черное люстриновое пальто старое	—	50	
8	Пикеневое старое пальто белого цвета	—	50	
9	Одно парусинное пальто старое	—	50	
10	Одни панталоны трековые мраморного цвета	—	20	
11	Трое старых парусинных панталон	—	20	
12	Пять старых бархатных жилета разных цветов	—	50	
13	Летних старых пять жилетов разных цветов	—	50	
14	Семь полотняных старых белых рубашек	—	35	
15	Салфеточного белого полотна двенадцать аршин	1	—	
16	Одна старая полотняная простыня	—	50	
17	Одно тканьеовое белое покрывало	—	50	

369

(Продолжение)

№	ЧТО ИМЕННО		Серебром		Оценка № 1820
			рубли	коп.	
18	Три старых холстинных простыни		—	30	

19	Семь шерстяных старых фуфаяк		—	70	
20	Четыре галстука старых два тафтяных и два шелковых		—	4	
21	Двое канифасовых подштанников		—	10	
22	Девять холстинных старых подштанников		—	45	
23	Три пары нитенных и три шерстяных старых носков		—	10	
24	Три полотняных носовых старых платков		—	10	
25	Четыре белых холстинных наволочки		—	20	
26	Пять белых старых салфеток		—	20	
27	Две пары сапог старых и три пары ботинок матеревых старых		—	20	
28	Два старых фуляровых платка		—	20	
29	Русских книг в переплетах восемьдесят семь		—	87	
30	и таковых же		—	63	

	без переплетов шестьдесят три				
31	Иностранных книг в переплетах пятьдесят семь		—	57	
32	и таковых же без переплетов двадцать семь		—	27	
		Итого	43	88	

стало“.¹ В 1901 г. часы эти еще хранились в семье Гоголей, принадлежа его племяннику, Н. В. Быкову. О. В. Гоголь рассказывала в этом же году В. А. Чаговцу их историю со слов брата.² В настоящее время — находятся в Полтавском музее.³

Другая ценная вещь „описи“, идущая под № 2, „старая, довольно ношенная енотовая шуба“, упоминается в последнем письме Гоголя к Матвею Константиновскому от 6 февраля 1852 г. „Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела“.¹

Это определение: „старый, старая, старое“ почти неразлучно в описи с любым предметом из гардероба Гоголя: „старое пальто“, „старые панталоны“, „старые жилеты“ и т. д. — всё старое и ношеное, оцениваемое в копейки. Нового во всей описи только одна вещь: „салфеточного белого полотна двенадцать аршин“. Платье и белье Гоголя поражает своей ветхостью и малоценностью. Многие донашивались из некупленного домашнего скарба: „старые холстинные простыни“, „холстинные старые подштанники“, „белые холстинные наволочки“, — все это домотканые дары крепостной Васильевки. Холостяцкая беспризорность Гоголя сказывается и в крайней скудости некоторых статей: у него было всего три пары нитяных, да три пары шерстяных носков („старых“) и всего три, да еще старых, носовых платка.

Оценка предметов, сделанная специалистами — „оценщиками при управе благочиния Иваном Соколовым и Трофимом Кабановым“, поражает своей ничтожностью: так „две пары сапог“ и „три пары ботинок матеревых“ оценены всего в двугривенный серебром. Сколько ни отнести из этой низкой оценки на долю произвольности, всё равно, тут должна иметь вес сильнейшая изношенность всего гоголевского скарба.

От прежнего щеголя нежинских и ранних петербургских времен, любившего щегольнуть модным жилетом и хитроскроенным фракком, не осталось и следа. То, что попало в опись, это — скарб человека, донашивающего старые свои обноски, совершенно равнодушного не только к моде, но и к простейшим удобствам туалета. Этому впечатлению сознательной бедности, в которой доживал Гоголь последние месяцы своей жизни, только содействует то обстоятельство, что на руках у Шевырева в это же время находилась сумма в две слишком тысячи рублей, принадлежавшая Гоголю: сумма эта, по прямому удостоверению самого Шевырева наследникам Гоголя, была „благотворительная сумма, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством“.¹ Эту сумму Гоголь не считал своей и оттого не держал ее у себя, вверив распоряжение ею Шевыреву.

Лишь один вид имущества Гоголя представлен в описи сравнительно обильно: скарб писателя, книги. Их у него, в час смерти, оказалось 150 на русском языке (из них 87 в переплетах) и 84 на

иностранных языках (из них 57 в переплетах). Этот вид имущества был столь ничтожен в глазах официальных оценщиков, что каждая книга гуртом пошла по копейке за штуку.

С глубокой горестью нужно отметить, что даже профессор московского университета С. П. Шевырев, подписавший опись, не проявил настолько интереса к предсмертной библиотеке Гоголя, чтобы составить *книгам* Гоголя такой же список, какого удостоились его носки и подштанники. Какие книги держал Гоголь при себе в последние месяцы жизни, что он читал, — мы никогда не узнаем: мы знаем только, что при нем была библиотека в 234 тома.

3

„Посторонними свидетелями“ при описи имущества Гоголя были два лица, прямо связанные с делом: хозяин дома — гр. А. П. Толстой и С. П. Шевырев, в последние годы жизни Гоголя заведывавший его денежными и книжными делами. Третьим лицом был старый земляк и сосед Гоголей И. В. Капнист: беззаботный на счет литературы, он лично был расположен к Гоголю. Он присутствовал 20 февраля на последнем консилиуме врачей, лечивших Гоголя.² Его присутствие при описи имущества Гоголя было особенно важно тем, что, как московский гражданский губернатор, Капнист мог избавить дело от всякой волокиты.

Но оказалось, что и московский губернатор не мог пресечь той административной волокиты, которая была законом для всех учреждений николаевской России. Волокита с жалким имуществом Гоголя представила лишнее подтверждение тому, как верно изобразил Гоголь подобную волокиту в своей „Повести“ о ссоре двух своих земляков.

В самый день совершения описи имущества Гоголя Капнист, А. П. Толстой и Шевырев подали „объявление“ „московской полиции в Арбатскую часть“, в котором, известив, что опись совершена, просили, как лица, взявшие на себя охрану описанного имущества:

„А как нам известно, что покойный г. Гоголь никому и ничего должным не состоял и в настоящее время не состоит, почему покорнейше просим дозволить нам находящееся у нас под сохранением имущество покойного г. Гоголь заключающееся в незначительном носильном платье и печатных книгах, отправить к матери покойного майорше Марье Ивановне Гоголь живущей ныне Полтавской губернии в Миргородском уезде в селе Васильевском“.

Только ровно *через месяц* — 13 мая 1852 г. — пристав Арбатской части удосужился сообщить об описи имущества Гоголя, об отдаче его на сохранение и о просительном „объявлении“, подписанным *московским губернатором*, двум инстанциям: надворному суду и управе благочиния, посылавшей своих оценщиков.

Надворный суд через неделю — 21 мая — наложил резолюцию на „отношении“ пристава:

„1852 года мая 21 по слушании одного отношения приказали: приобщить к делу, а Арбатскую часть уведомить к пересылке вещей покойного отданных под сохранение тайному советнику Ивану Васильевичу Капнисту, графу Толстому и г. Шевыреву к матери умершего суд с своей стороны препятствия не находит, о чем объявить наследникам Гоголя через Миргородский земский суд“.

Управа же благочиния только 5 июня, после того, как уже состоялось это решение надворного суда, препроводила ему донесение пристава точно такого же содержания, какое уже было в руках суда.

Теперь пошли канцелярские поиски тех лиц, кому надо было объявить решение суда, — т. е. поиски всем известных графа А. Толстого, Шевырева и... московского губернатора. На это ушли июнь, июль и август!

В *июне* (число не проставлено) арбатский квартальный надзиратель рапортовал своему приставу о важном результате своих расследований: Толстой „выбыл в имение свое, состоящее в Звенигородском уезде сельцо Грязи“, Шевырев живет „Лефортовской части I квартала в Сокольниках в собственном доме“, а тайный советник Капнист жительствоует в Сретенской части. 17 *июня* арбатский пристав донес надворному суду, что его разрешение на пересылку вещей Гоголя к его матери он отослал в Сретенскую часть „для объявления“ Капнисту.

На то, чтоб „объявление“ это дошло до московского губернатора понадобился еще месяц без малого: только 11 *июля* от Капниста взяли, наконец, подписку, что решение надворного суда ему объявлено.

Найти Шевырева было еще труднее. На это понадобился *еще один месяц* (без 6 дней) немалой канцелярской переписки, в которой приняли участие три части — Арбатская, Сретенская и Лефортовская. Полицейские усилия увенчались отобранием такого документа:

„1852 года августа пятого дня я нижеподписавшийся дал сию подписку в Лефортовскую часть в том, что пересланное при сообщении Сретенской части от 16 сего июля за № 5477 отношение московского надворного суда 2 отделения департамента от 30 мая за № 3591 о том, что к пересылке вещей покойного коллежского ассесора Николая Васильевича Гоголя к матери его суд с своей стороны препятствий не имеет, от сей части объявлено.

Статский советник Степан Шевырев“.

Этой подпиской Шевырева кончилось дело об имуществе, оставшемся после коллежского ассесора Н. В. Гоголя.

Еще 20 июня Шевырев оповещал Марию Ивановну Гоголь: „На днях дворецкий графа Толстого отправляет к Вам с транспортом харьковского комиссионерства все вещи и книги Николая Васильевича, и при них отправится Семен. Я же привезу к Вам все оставшиеся бумаги“.¹

Осенью 1852 г. Шевырев посетил осиротевшую Васильевку, исполняя собственное желание повидать семью Гоголя и выполняя поручение Академии Наук — собрать материалы для биографии умершего писателя. Шевырев привез в Васильевку бумаги Гоголя и там же получил от наследников Гоголя поручение — хлопотать об издании истинного наследства Гоголя — его сочинений.

Все приводимые в настоящей статье документы извлечены из дела, носящего заглавие: „1989. М<инистерство> Ю<стиции>. Московского Надворного суда 2 департамента. Дело по отношению Арбатской части об имуществе умершего коллежского ассесора Николая Васильевича Гоголя. 2 экспедиции 3 стола. Началось 12 марта 1852 года. Решено 14 марта 1852 года. На 27 листах“. (Архив Государственного Исторического музея в Москве, № 47926/1912 г., А 2^{3/14}.) В дело вошли также и документы более позднего происхождения, чем февраль — март 1852 года.

Приношу искреннюю благодарность О. И. Поповой за любезное содействие в моей работе.

Сноски

Сноски к стр. [362](#)

¹ Очевидно, тогда же дворецкий озаботился и получением метрической выписи о смерти Гоголя. Приводим текст ее по материалам Полтавского Музея (№ по описи — 142):

„В копии метрической книги московской, Пречистенского сорока, Симеоновской, на Поварской, церкви за тысяча восемьсот пятьдесят второй (1852) год, в третьей части — о умерших, в статье под № 2-м мужеского пола записано так: месяца февраля двадцать первого числа помер — живший в доме тайного советника, Александра Степановича Талызина, коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь, 43 лет, от простуды; погребен двадцать четвертого числа того же месяца в Даниловом монастыре. Погребение совершал приходский священник Алексей Иоаннов Соколов, с диаконом Иоанном Михайловым Пушкиным, дьячком Георгием Александровичем Линьковым и пономарем Петром Кирилловым Марковым“.

Сноски к стр. [364](#)

¹ А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Н. В. Гоголя, П., 1857, с. 13, 21.

Сноски к стр. [365](#)

¹ Из переписки С. Шевырева с О. В. и М. И. Гоголь, „Памяти Гоголя“, Киев, 1902, с. 61.

² Русская Мысль, 1896, № 5, с. 178.

³ С. Дурьлин. Из семейной хроники Гоголя, М., 1928, с. 90.

Сноски к стр. [367](#)

¹ Опись см. на [следующей странице](#).

² Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, с. 231.

Сноски к стр. [369](#)

¹ Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни, Киев, 1909, стр. 48. (Там же фотографический снимок с часов.)

² В. А. Чаговец. На родине Гоголя, „Памяти Гоголя“, Киев, 1902, с. 34—35.

³ См. „Наша Газета“, М., 1927, 5 марта, № 5, с. 2.

Сноски к стр. [370](#)

¹ Письма, IV, с. 423. Ответ М. Константиновского от 12 февраля 1852 г., с примечанием С. Дурьлина, см. „Весы“, 1909, № 4, с. 65. Письмо это хранилось в семье того самого А. Рудакова, который был дворецким А. П. Толстого; бумаги, оставшиеся после Гоголя, очевидно, в какой-то части попали в его руки.

Сноски к стр. [371](#)

¹ „Памяти Гоголя“, Киев, 1902, отд. III, с. 61.

² Тарасенков, назв. соч., с. 18.

Сноски к стр. [373](#)

¹ „Памяти Гоголя“, Киев, 1902, отд. III, с. 60.

